

**«СПЯЩИЙ ЛАРИОН»: НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ
И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В КОНЦЕ XIX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)
(г. Саратов)**

В статье исследуются формы «народной» религиозности в контексте локальных традиций, а также отношение духовенства к ним на материалах Саратовской губернии конца XIX в. Фокус внимания сосредоточен на сюжете о почитании юноши Лариона из села Каменные Броды Царицынского уезда, которому стали приписывать черты «святого». Проводится структурный анализ феномена его почитания как отражения религиозных представлений локального православного сообщества. На основе переписки священников делаются выводы о неоднозначной реакции духовенства на появление культа «спящего Лариона». В конце представляются общие заключения о специфике образа «святости» Лариона как соответствующем православному традиционному мировоззрению, но не вписывающемся в концепцию «разумной веры» образованного духовенства.

Ключевые слова: народная религия; локальная религиозность; святость; православное духовенство; Саратовская губерния.

*Kartashov V.A.*²

**«ASLEEP LARION»: THE FOLK RELIGION AND THE ORTHODOX
CLERGY IN THE END OF THE XIX CENTURY
(ON THE MATERIALS OF SARATOV PROVINCE)
(Saratov)**

¹ Карташов Владислав Алексеевич, г. Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, аспирант, Институт истории и международных отношений, кафедра истории России и археологии (науч. рук. О.В. Кочукова, канд. ист. наук, доцент), ya.qwe987@yandex.ru

² Kartashov Vladislav Alexeyevich, Saratov, National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, graduate student, Institute of History and International Relations, Department of Russian History and Archeology (scientific supervisor O.V. Kochukova, Candidate of Historical Sciences, associate professor), ya.qwe987@yandex.ru

This article describes the forms of the folk religion in the context of local traditions and so the relation of the clergy to it on the materials of Saratov province in the end of the XIX century. The paper focused on the story about the veneration of youth Larion from the village Kamenny Brody of the Tsaritsyn district who was attributed as the saint. The structural analyses of the phenomenon of his veneration as reflection from the religious representations of the local orthodox community is carried out. On the base of the correspondence of clergymen the conclusions about the ambivalent reaction of the clergy on the cult of the «Asleep Larion» are drawn. In the end the summary about the specificity of the veneration of Larion as relevant to the traditional orthodox worldview but not fitting on the conception of «rational faith» of the educated clergy.

Keywords: folk religion; local beliefs; holiness; clergy; Saratov province.

Нет сомнений, что исследование истории религии в свете антропологического подхода продолжает сохранять немало дискуссионных проблем. Одним из ключевых вопросов является изучение многообразия религиозного опыта и практик в их региональном аспекте. Несмотря на то что доминирующее положение в Российской империи занимала православная церковь, религиозность русского народа могла воплощаться в разных формах и представлениях, не всегда согласуемых с ортодоксией. Религиозный ландшафт российских регионов в конце XIX в. представляется крайне пестрым, где духовная жизнь могла выходить за пределы традиционного уклада «благочестия», вплоть до перехода в те течения, которые официальная историография называла расколом и сектантством. На самом деле соотношение моделей религиозного поведения официальной церкви и практик «народной среды» более сложно, и надо обращать внимание на некоторые «подводные камни» при его изучении. В первую очередь, своего рода исследовательским «соблазном» является строгая дихотомия «официального» и «народного», где последнее воплощает в себе область «суеверия» и «магического». Еще известный исследователь религиозных культур А.А. Панченко подчеркивал, что следовало бы пересмотреть эту бинарную модель, поскольку границы подобных топосов религиозности подвижны¹. Так, в действительности условная «народная» религия могла в той или иной степени соответствовать идеалам

¹ Панченко А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности (святой братоубийца и его жертва). «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. Москва: НЛЮ, 2012. С. 5.

церковного предания, равно как и могла воспроизводить отклонения от нормы (и тут не следует забывать, что оценки отклонений опять же зависели от представителей клира).

В этом отнюдь нет противоречий. Следует отметить, что в основном традиционные константы и смыслы православной культуры оставались устойчивыми, однако их воплощение зависело от множества факторов. Как кажется, для понимания динамики религиозных практик следовало бы ввести понятие «локального» как случая частного и конкретного. Многие антропологи подчеркивают, что именно анализ локальной религиозности способен прояснить преломление общей исходной традиции в местном культурном обиходе¹. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на дело из фонда Саратовской духовной консистории (Ф. 135), связанное с народным почитанием святого Лариона, вызвавшим неоднозначную реакцию со стороны священства². Собственно, целью данного доклада является попытка проследить отражение форм локальных религиозных представлений на конкретном примере, а также прояснить позиции местного духовенства.

Обострение внимания к этой «странной» истории началось с рапорта приходского священника села Каменные Броды Царицынского уезда отца Павла Победоносцева о появлении в его приходе «живого» святого, к которому «стекался народ». Им оказался местный шестнадцатилетний юноша Ларион Серов из крестьянской семьи. Согласно показаниям, в 1892 году тот переболел лихорадкой, после чего слег в постель. Отец Лариона заподозрил в этом притворство, которое впоследствии подтвердил и участковый врач Тихомиров. По словам последнего, тот пытался симулировать летаргический сон, однако сам вскрыл свой обман неудачной попыткой побега из больницы, после которой стал вести себя более оживленно и даже играл с другими детьми³.

¹ Воронцова Е., Елагина В. История блаженной Насти Вирятинской: «Прикрываясь религиозными предрассудками, вела антисоветскую агитацию» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 245.

² Расследование по донесению священника с. Каменного Брода, Царицынского у. П. Победоносцева о появлении лжесвятого исцелителя крестьянина Лариона Серова, именуемого в народе «Спящий Ларион» // Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 2.

³ Там же. Л. 12.

Однако по возвращении «мнимого» больного в родное село история не закончилась и приобрела неожиданный поворот. По словам отца Павла, в 1894 г. родители стали распускать слухи, что их сын является святым, способным исцелять и пророчествовать. Якобы со слов матери, врачи подвергали его мучениям: «В больнице языки ему вытаскивали щипцами, ставили на раскаленную сковороду и т. п.»¹. После этого мученического подвига и поста Ларион во время продолжительного сна получил особое «благословение» от святых. Появление «божьего угодника» в Каменных Бродах не заставило долго ждать отклика, и дом Серовых стал местом частых визитов «богомольцев». Более того, как утверждал священник Победоносцев, почитание «спящего Лариона» не ограничилось простым народом: внимание к Лариону проявили монахини Каменнобродской женской общины, находящейся по соседству с его приходом, и даже некоторые священники. Эти обстоятельства заставили священноначалие совместно с полицейскими провести тщательное разбирательство, ход которого отразился в исследуемом деле.

При обращении к материалам дела становится заметен неоднозначный характер информации, исходящей от разных лиц. Безусловно, каждый подобный текст – это преломление тех или иных событий под воздействием множества субъективных и объективных факторов. Поэтому крайне сложно детально реконструировать произошедшее во временной динамике, опираясь на показания и письма разных людей. Стоит заметить, что одним из источников для того же отца Павла Победоносцева, очевидно, были слухи в среде прихожан, из которых он сделал выводы о почитании Лариона. По своей сути, слухи – еще более диффузная информационная среда, где возможны искажения, оговорки, домыслы и стереотипы. Это видно и в последующих показаниях, где многие из подозреваемых в «обращении» к «святому» юноше пытались откреститься от своей причастности. Так, священник посада Дубовки Николай Благовещенский отрицал то, что он якобы давал какое-либо благословение: «Ларион Серов... никаких от меня советов и благословения не получал относительно исцеления болящих чрез помазание елеем и раздачу св. воды. Это выдумка народная и дерзкий обман спящего, чего мне и на мысль никогда не приходило, чтобы я мог благословлять мирянина на то святое дело...»². Начальница Каменнобродской общины сестер Афанасия, которая якобы во время пре-

¹ Расследование по донесению священника... Л. 2 об.

² ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 6.

бывания Лариона на службе в их храме пыталась услышать от того пророчества, умолчала об этом эпизоде в письме к благочинному, дополнив, что не заметила особых знаков почитания со стороны монахинь. Правда, позже ей пришлось признать, что младшие сестры все-таки имели внимание к Лариону и даже тайком посещали его дом. Показания отдельных лиц опровергают другие: так, священник Мануил Мысовский, служивший в монашеском храме, во все отрицал, что начальница общины была на службе во время визита туда Лариона. Исходя из особенностей всех этих материалов, представляется сложным ответить на многие вопросы: чем определялось поведение мальчика, каковы были мотивы его родителей в создании «ореола» мученика и насколько глубоким было восприятие Серова со стороны Каменнобродской женской общины как святого. Однако следует отметить, что даже рассказы о Ларионе, обозначаемые как «выдумки народной молвы», являются своеобразным «зеркалом» народных представлений о том, что такое святость.

Конечно, стоит отметить, что сакрализация «блаженного» юноши не была лишь фантазией: наличие «следов» почитания подтвердил обыск в доме Серовых, происходивший во время отсутствия самого мальчика. Полицейские обнаружили специально огороженную постель «святого», множество икон с «постоянно» зажженными лампадами и обилие различных подарков от посетителей в виде просфор и сладостей. Также производивших досмотр насторожило множество банок с репейным маслом и святой водой, которые, по их мнению, «освящал» сам Ларион¹. По итогу урядником были изъяты несколько предметов, среди которых и молитва с заклинанием, якобы используемая «святым». Судя по всему, именно эта бумага подшита в исследуемом деле: состоит она из двух частей, дословно переписанного 90-го псалма («Живый в помощи...») и компилятивного текста, предназначенного для изгнания «беса». Любопытно, что обе части были написаны разными почерками и едва ли принадлежали самому Лариону. Тень сомнения бросает первая строка из заклинания: «Заклинаю тебя нечистый бес именем Господа нашего Исуса Христа и Святителя Демитрея Ростовского изыди из раба божия Лариона в преисподняя земли и где нету праведных хрестиян...»². Видно, что действие молитвенной формулы направлено здесь на самого юношу, и, вероятнее всего, бумажный список принадлежал его родителям. Эта деталь создает опре-

¹ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 21.

² Там же. Л. 15 об.

деленный диссонанс относительно общей картины: можно предположить, что Ларион не сразу «стал святым», и в определенный момент родственники вообще считали поведение мальчика проявлением «нечистой силы». Однако со временем весы склонились в другую «сторону», и из «страждущего» Ларион превратился в «блаженного». Судя по всему, сам отрок весьма быстро «вжился» в свою новую роль, чему способствовали его религиозные склонности, описанные врачом Тихомировым: «Мальчик не совсем нормален и имеет религиозные помешательства: он ... говорил исключительно о “божественном”, обязательно употреблял в разговорах славянские окончания, читал исключительно Евангелие и жития святых»¹. Таким образом, облик близкого народу «святого угодника» прочно прижился к набожному юноше. Целесообразно было бы проанализировать элементы этой «народной» агиологии.

Парадоксальным образом «спящий Ларион» сочетает в себе сразу несколько типов святости. Ему оказываются присущи даже черты мученика, подчас кажущиеся гротескными. Скорее всего, эти мотивы были ассоциативно взяты из устных традиций народной «агиографии»: так, в некоторых легендах святую мученицу Варвару сажали на горячую сковороду, в честь чего вводился запрет на приготовление пищи в печи в день ее памяти². Очевидно, факт о мученичестве в больнице имел функцию легитимации его харизмы, то есть давал основание для веры в дар «особой благодати». Схожий характер несло сообщение о длительном посте и визионерском опыте во время сна, когда Лариона благословили святые угодники³. Визионерство, надо сказать, являлось устойчивым элементом православного религиозного опыта в народной среде, однако, кстати, далеко не всегда «видений» удостоивались именно дети или подростки⁴. Одно из главных проявлений «святости» Лариона заключалось в его способности к исцелению людей, которое совершалось с помощью помазания маслом; кроме того, судя по находкам в доме, тот мог лично освящать воду⁵. Наконец, Лариону приписывались прозорливость и способность пророчествовать: этим даже якобы пользовалась уже упомянутая сестра Афанасия, пытаясь

¹ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 13.

² «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / сост. комм. О.В. Беловой. Москва: Индрик, 2004. С. 95.

³ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 2.

⁴ Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700-1740 гг. Москва, 2000. С. 193.

⁵ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 21.

узнать, когда на месте ее общины возникнет монастырь¹. Можно сказать, что все перечисленные аспекты вполне сопоставимы с традиционной православной культурой и носят прагматический характер, т. е. связаны с запросами местного социума, в основном сельского. В то же время в образе «спящего Лариона» отразились и представления монашеских низов в лице Каменнобродской женской общины: в первую очередь, это идея особой силы молитвы «блаженного», ради которой часть сестер собиралась дома у Серовых, и опять же пророчества. Как отмечал исследователь А.Б. Мороз, святость в народных представлениях реализуется больше в «чудесных действиях», нежели в воплощении моральных идеалов для подражания².

Еще одним случаем, раскрывающим детали религиозных воззрений, является эпизод с визитом «спящего Лариона» в с. Семеновка, куда, по слухам, тот был принесен для освящения места будущего храма, а затем отправлен к местному священнику для совершения молебна. Само по себе принесение Лариона для «благословения» постройки церкви еще раз показывает воззрения о святом как своеобразном проводнике сакральной силы, что было видно на примере со святой водой. Но здесь же есть еще одна интересная деталь: по слухам, жена местного священника вручила просфору Лариону, которую та получила от самого Иоанна Кронштадтского, советовавшего «обращаться к нему, как молитвеннику»³. Впоследствии в письме священнослужитель с. Семеновки опровергал все «благословения» со стороны его и матушки, однако здесь важно обратить внимание на само восприятие роли священника в рамках «народной религиозности». Стоит отметить, что вопреки распространенному мнению (и во многом справедливому), отношение к нему не ограничивается образом «духовного» чиновника, исполняющего установленные регламентом требы и обряды⁴. Ряд священников пользуются «харизматическим» авторитетом со стороны масс: более того, в их представлениях они «одобряют» определенные модели народной религиозности, пусть это в конечном итоге и не соответствует действительности.

¹ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 3.

² Мороз А.Б. Святые Русского Севера: народная агиография. Москва: ОГИ, 2009. С. 25.

³ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 17 об.

⁴ Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. Москва: ОГИ, 2002. С. 60.

Не случайно здесь появляется упоминание известного церковного деятеля этой же эпохи – отца Иоанна Кронштадтского (Сергиева). Хорошо известно, что тот пользовался большой популярностью среди верующих уже в 90-е гг. XIX в., причем во всероссийском масштабе¹. Притом, что церковно-проповедническая деятельность Иоанна Кронштадтского имела ориентацию на массовость, в своих убеждениях протоиерей оставался непоколебимым консерватором, защищавшим регламентированный уклад официального православия. Это отнюдь не мешало появлению в прижизненном почитании «народного батюшки» своеобразных преломлений, порой даже маргинального характера вроде движения иоаннитов, почитавших отца Иоанна как воплощенного Христа в хлыстовском духе². Более того, в Нижнем Поволжье примерно же в это время набирало рост эсхатологическое течение еноховцев, веривших в скорое пришествие пророков Еноха и Ильи согласно апокалиптическому преданию (Откр. 11:3). И многие его представители отождествляли Иоанна Кронштадтского с Ильей, а роль Еноха отводили уже упомянутому священнику Николаю Благовещенскому из посада Дубовки³. Приписываемое отношение «кронштадтского батюшки» к «святому Лариону» – одно из проявлений «народной логики» святости. Роль апелляции к «авторитетным» священникам (Иоанну Кронштадтскому и Николаю Благовещенскому) заключалась в закреплении «истинности» юного святого.

Что же касается позиции самого духовенства, то здесь, как это уже было заметно, все же едва ли можно найти сочувствие к «самочинному культу» Лариона. Тем не менее у священников возникли разные точки зрения к данной ситуации в контексте дисциплинарных мер. Последовательным критиком почитания Лариона оказался упомянутый о. Павел Победоносцев, начавший первым «бить тревогу». В своем рапорте к саратовскому епископу Николаю тот настойчиво просил «принять меры к пресечению зла», аргументируя это опасением, что «может появиться какая-либо новая секта, так легко прививающаяся к суеверному невежественному народу»⁴.

¹ Зимина Н.П. К вопросу об иоаннитском движении в Русской православной церкви и возникновении в конце 1920-х гг. Катакомбного течения «Архиепископа» Агафангела (Садовскова) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2010. № 37. С. 28.

² Буткевич Т.И. Русские секты и их толки. Москва: Центр-полиграф, 2018. С. 142.

³ Смирнов В. Секта еноховцев, ее история и вероучение // Астраханские епархиальные ведомости. Отд. неоф. 1908. № 11. С. 431.

⁴ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 17 об.

Отец Павел сетовал, что «беседы и пророчества [Лариона] много причиняют зла в семьях суеверного народа»¹. Сама же мотивация Серовых принимать щедрых «богомольцев» у них на дому, как он полагал (и так же считала местная полиция), была вызвана исключительно корыстными предпочтениями.

Однако более терпимый подход к ситуации предлагал священник Владимир Веселовский, считавший, что «раздувание» дела о Ларионе привлекло бы еще больше внимания: «Если бы дело оставить далее и в этом положении, то любопытные удовлетворили бы свое любопытство, слухи, упоминаемые всеми, не находя себе повода и пищи, превратились бы и все дело кончилось бы само собой»². Признавая специфику «народной религиозности», благочинный не видел в ней критической проблемы, требующей серьезных взысканий: «У нас на Святой православной Руси все блаженные, убогие в физическом и нравственном отношении всегда возбуждали сожаление и внимание в народе, а первые и великое уважение. Это всегда было, есть и будет, и это признать нужно»³. Кроме того, упрекая отца Павла в «горячности», священник приводил примеры схожего почитания юродивых в его округе, которое отнюдь не несло «соблазнов»⁴.

Таким образом, в целом для представителей клира сохранялась актуальность подхода «разумной веры», основанной на канонических началах. Но можно заметить, что к концу XIX в. тема «веры простонародья» и народной интерпретации святости, традиционно подвергавшаяся критике еще со времен Духовного регламента⁵, имела дискуссионные моменты. Одних представителей священства серьезно волновало появление религиозных практик, отклоняющихся от норм. И их мотивация была небеспочвенной: самой опасной угрозой для них было появление новой «секты», т. е. течения, которое могло находиться в оппозиции церковной бюрократии или выходить за границы устойчивого обихода. На рубеже XIX-XX вв., действительно, подобных феноменов было немало: стоит вспомнить уже упомянутых иоаннитов или, например, общины харизматического «старца» Василия Подгорного⁶. Парадокс за-

¹ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 17 об.

² Там же. Л. 29 об.

³ Там же. Л. 30.

⁴ Там же.

⁵ Лавров А.С. Колдовство и религия в России... С. 212.

⁶ Клэй Ю. Космополитика харизматического православия: Стефан (Василий Карпович Подгорный) и его последователи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 250.

ключался в том, что они, как правило, позиционировали себя «православными» и не считали свои действия противоречащими религиозным нормам: это вызывало еще большую настороженность у духовенства. В то же время некоторые священники полагали, что подобные «страхи» являлись преувеличенными и предполагали более «либеральный» подход к «народной религиозности». Не питая симпатий к ней, они допускали, что многие формы массовой духовности являются неотъемлемой частью местных традиций, которые, как писал отец Владимир, не имеют «соблазна» и не нуждаются в «искоренении».

Исходя из материалов дела, можно сказать, что культ «спящего Лариона» быстро сошел на нет. Сам мальчик был увезен в Саратовскую психиатрическую лечебницу для обследования его религиозных девиаций¹. Родителям Лариона было запрещено разглашать сообщения о его «святости», а посещение их дома «богомольцами» оказалось под надзором полиции. И тем не менее эта короткая, но любопытная история, порой с «курьезными» моментами, показывает специфику коллективных религиозных воззрений конкретного социума в Саратовском Поволжье в конце XIX в. Заметим, что представления почитателей святого Лариона по своему характеру вполне соответствуют православной традиции в широком понимании, воплощаясь в локальном обиходе, характерном для верующих села Каменные Броды. Их источниками являются агиографические сюжеты из церковного предания, отложившиеся в коллективной памяти носителей традиции. Сам по себе образ «блаженного отрока» также не редок для житийной литературы. Однако в то же время указанные представления являются отклонением от регламентированных норм «рациональной веры», которую транслировало большинство приходского духовенства. Синодальные клирики неустанно проявляли бдительность и критиковали то, что выходило за рамки религиозной дисциплины: под подозрение попадали любые «самочинные» формы духовной жизни. Правда, все же некоторые из них относились с большим снисхождением к элементам «наивной веры» простецов, но общей для духовенства оставалась тенденция богословского рационализма синодальной эпохи.

Появление культа «спящего Лариона» в конце XIX в. было одним из маркеров социокультурных процессов, связанных с активизацией религиозной жизни. И любопытно, если смотреть в перспективе, насколько подобный феномен близок культурному духу

¹ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4405. Л. 37.

последних лет Российской империи, когда актуальность приобрело обращение к образцам «народного благочестия» как к чему-то подлинному. Близилось время «святых», таких как одиозный старец Григорий Распутин или блаженный Митя Козельский, почитанию которых давали пример сами правящие элиты.

УДК 908

DOI: 10.18287/978-5-6052980-3-8-2024-18

*Комин Л.М.*¹

**«ЛЕГКОМЫСЛЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ
ПРАКТИКЕ РАБОЧИХ ТРУБОЧНОГО ЗАВОДА В САМАРЕ
НАЧАЛА XX ВЕКА**
(г. Самара)

В данной статье рассматриваются повседневные практики рабочих Самарского трубочного завода в начале XX века. На материалах приемного покоя об увечьях, полученных на предприятии, в статье исследованы практики легкомысленного поведения трудящихся, их причины, а также методы, за счет которых руководство завода пыталось уменьшить число несчастных случаев.

Ключевые слова: несчастные случаи; травматизм; рабочие и руководство; завод; повседневные практики.

*Komin L.M.*²

**«FRIVOLOUS BEHAVIOR» IN THE EVERYDAY PRACTICE
OF PIPE FACTORY WORKERS IN SAMARA OF THE EARLY
TWENTIETH CENTURY**
(Samara)

¹ Комин Леонид Маркович, г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, бакалавр, исторический факультет, кафедра отечественной истории и историографии (науч. рук. М.М. Леонов, д-р ист. наук, доцент), K.Leonid663@gmail.com

² Komin Leonid Markovich, Samara, Samara National Research University, bachelor, Faculty of History, Department of National History and Historiography (scientific supervisor M.M. Leonov, Doctor of Historical Sciences, associate professor), K.Leonid663@gmail.com